

ТЕАТРАЛИЗАЦИЯ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ В СОВРЕМЕННОМ УНИВЕРСИТЕТСКОМ РОМАНЕ

В рамках данной статьи мы хотели бы обратить внимание на тенденцию, сложившуюся в изображении филологического сообщества в романе академического жанра. Это тенденция театрализации филологической жизни: филолог в современной литературе часто изображается а) как человек, сознательно разыгрывающий свое поведение, б) как человек, которым играют окружающие его люди и даже сама литература, и, наконец, в) как человек, чьи поведенческие проявления получают в авторском тексте игровое, театральное воплощение.

Конечно, эту тенденцию можно рассматривать в качестве одной из вариаций пародийного изображения интеллектуала в современной художественной словесности и современном кинематографе. Этой теме была посвящена, в частности, статья О. Ю. Анцыферовой, опубликованная в журнале «Вопросы литературы». Ставя вопрос об основаниях комического изображения филолога-преподавателя, исследовательница приходит к выводу о том, что пародийность его образа связана не только с осмеянием достойных того сторон университетской жизни (высокие амбиции, не критическое отношение к новомодным концепциям, неэтические формы поведения и др.), но и с тем, что такое изображение «импонирует массовому сознанию» [Анцыферова]. В данном случае О. Ю. Анцыферова присоединяется к выводам В. Дересевича, литературного критика и преподавателя Йельского университета, который, исследуя образ гуманитария, в первую очередь, в современном кинематографе, констатирует «враждебность современной культуры интеллекту», «желание простых людей увидеть интеллектуала ... униженным» [Там же]. В рамках этого допущения получается, что популярность пародийного изображения преподавателя-гуманитария базируется на желании авторов университетских сюжетов удовлетворить распространенную в обществе неприязнь к тем, кто производит только символические ценности, но при этом претендует на высокий общественный статус. Важно подчеркнуть, что этот вывод делается в первую очередь в отношении голливудского кинематографического стереотипа университетского человека, экранное изображение которого эксплуатирует одни и те же характерологические (эгоцентризм, тщеславие, зависть к более преуспевающим коллегам, обида на жизнь) и повествовательные (алкоголизм, супружеская неверность, профессиональные неудачи) схемы.

Однако поставим под сомнение тождественность изображения филолога в кинематографе и литературе и возможность перенесения выводов,

сделанных в отношении кинематографического образа, на образ литературный. В отличие от экранного, образ преподавателя-филолога, воплощенный в академическом романе, представляется гораздо более сложным. При этом особенно обращает на себя внимание тот факт, что ряд пародийных произведений об университетской жизни написан самими университетскими преподавателями. В центре нашего внимания и находятся романы о филологах, написанные на рубеже XX–XXI в. и в начале XXI в. самими филологами и выдержанные в подчеркнуто игровой, театрализованной манере. В этих произведениях театрализация имеет иные основания, нежели осмеяние интеллектуала во имя удовлетворения неприязни к нему массовой публики или во имя разоблачения его человеческих пороков, а также пороков и парадоксов самой университетской жизни. В данных произведениях пародийная форма оказывается способом рефлексии о серьезных проблемах. Это такие проблемы, как

- литература в жизни современного человека,
- положение филолога в поле современной культуры, столь настороженно настроенной к литературе и науке о литературе,
- судьба филологии в контексте глобализации,
- судьба самой литературы в контексте современного медиацентризма.

Так как филология в этих романах является не предметом наблюдения со стороны, а составляет живую ткань жизни самого автора, его герой часто имеет автобиографические черты: так, преподаватель Санкт-Петербургского университета Андрей Аствацатуров оставляет герою своего романа «Люди в голом» (2009) свое собственное имя и свою биографию, петербургский преподаватель Сергей Кибальник, издавший в 2008 году роман «Поверх Фрикантрии» под псевдонимом Серж Кибальчич, описывает свой опыт преподавания русской литературы в американском университете, Джеймс Хайнс, автор романа «Рассказ лектора» (2001), выстраивает свои фантасмагории на материале собственного преподавательского сюжета, а Жан-Филипп Арру-Виньо пишет роман о кризисе, переживаемом филологом, преподавателем французской литературы, очевидно присваивая герою опыт собственных переживаний («Урок непослушания», 1995). При этом, что интересно, в своих интервью писатели-филологи пытаются дистанцироваться от своих автобиографических героев. А. Аствацатуров прямо говорит о том, что им самим те комплексы, иллюзии и слабости, которыми он наделил своего литературного однофамильца, пережиты и осознаны. А Сергей Кибальник вообще отвергает автобиографические основы любовного сюжета, составляющего основное содержание его романа. В ответе на отзывы участников виртуального круглого стола, размещенные в послесловии его книги, он пишет, что никогда не позволил

бы себе романа со своей студенткой. Подобные комментарии акцентируют читательское внимание на самосознающем характере изображения филологической жизни, а не просто на некрасивых сторонах академического быта и академического человека.

Кратко остановимся на темах, которые в данных произведениях свое рефлексивное оформление получают в театрализованном ключе.

Первая тема – культурный статус филолога, тема, связанная с осмыслением положения филолога в культуре. Часто театрализация его облика в университетской прозе связана с тем, что он изображается как носитель иллюзий, почерпнутых в литературе и литературной теории, и потому – как носитель мета-поведения, т. е. поведения, сознательно осуществляемого как роль, поведения предзаданного, театрального, выступающего в угоду текстам культуры. Такой герой часто оказывается плагиатором идей, эмоций и поступков. Этот своего рода избыток культуры и становится источником театрализованного изображения (напомним, что голливудский образ подчеркивает, наоборот, недостаток культуры у филолога-преподавателя).

Однако изображенный филолог не только играет, часто играют и им самим. При этом, в отличие от Дон Кихота, он понимает, что вовлечен в игру. Пытаясь включиться в ее редактуру, он часто ощущает себя фантомом, призраком, ненастоящим человеком, творцом гиперреальности, сотканной из цитат, знаков, интерпретаций. «Мне кажется, что я ненастоящий», – так начинает свой роман Аствацатуров. «Я паразитирую на людях и героях», – читаем далее. Отсюда определения филолога в романе Аствацатурова – «человек-поганка», который «может испортить любое грибное рагу» (очевидно, метафора живой жизни), от него уходят жены, его боятся студенты. Он маргинал, «фрик», «полный идиот». Последние два определения филологу в изображении Аствацатурова дал Александр Иванов, главный редактор издательства «Ad Marginem». Имеется в виду, что тот (филолог) не столько живет живой и спонтанной жизнью, сколько постоянно выясняет свои отношения и с жизнью, и с литературой, то принимая их требования, то пытаясь их обмануть. Может быть, потому так часто он и нарушает правила, срываясь в пресловутые романы со студентками и коллегами, – чтобы прорваться к жизни, почувствовать ее вкус и запах, преодолев власть текстов и культурных требований. Во всяком случае, романы Ж.-Ф. Арру-Виньо, А. Байетт и Сержа Кибальчица позволяют настаивать на этом наблюдении. Так, герой Кибальчица вынужден постоянно подчиняться правилам чужой игры, сознательно и покорно допуская отношение к себе как игрушке, легко, впрочем, компенсируя унижения в запретной любви. Призраком отчасти ощущает себя и герой А. Байетт («Обладать», 1999), научившийся думать о себе в ключе постструктуралистской

литературной теории – не как о цельной личности, а как о конструкте, «где правят противоречивые желания, системы идеологии, языковые формы, гормоны, феромоны» [Байетт; 529].

Но при этом почти всегда, за редким исключением, изображенный филологом филолог превосходит свое окружение – в силу глубокой рефлексивности своего ума и способности отдавать себе отчет в собственных иллюзиях и зависимостях. Например, герой Байетт в финале повествования преодолевает власть теории в открытии собственной состоятельности в творчестве. А герой Кибальчича, проживая свой любовный сюжет, преодолевает власть литературных образов и культурных стереотипов. Так, в финале романа посылая свою возлюбленную ко всем чертям, он переписывает знаменитый пассаж Булгакова: «Какой идиот сказал, что есть на свете настоящая любовь. Да отрежут лгуну его нескромный язык. И что это за «настоящая»? Бывает настоенная на чем-то, случается даже – чего в жизни не бывает – и стоящая, но настоящая?! За мной, читатель, и я покажу тебе, чем кончается даже самая пламенная и пылкая настоящая любовь» [Кибальчич; 211]. Здесь нет протеста, здесь умудренный опытом герой прощается с иллюзиями, воспитанными в нем великой русской литературой, литературой же поверяя свой новый опыт. Отсюда и насыщенная интертекстуальность повествования.

А вот прямой бунт филолога против литературы представлен в филологической литературе как обреченный на провал. Такой бунт изображен в романе Ж.-Ф. Арру-Виньо, герой которого, обнаруживая свою зависимость от литературных архетипов, испытывает только злобу на литературу.

Вторая тема, театрализованное воплощение которой встречается в филологическом романе (в данном случае, романе о филологе, написанном филологом), – это судьба филологии в современной культуре. Она, как правило, в филологических повествованиях получает неутешительное решение. Так, изображая филологическую жизнь американского университета в образе фрикантрийской науки (Фрикантрия – романное название Америки), Серж Кибальчич фиксирует удручающие нелепости в организации учебного процесса и научной жизни. Роман был издан в 2008 году, но писался на протяжении нескольких лет. Автор в театрализованном ключе изображал образ чуждой нам традиции, прямо противопоставляя фрикантрийскую и эйлинийскую науку (Эйлиния – символ России в романе). Однако для современного читателя романа, особенно принадлежащего к университетскому контексту, очевидно, что «фрикантизация» (читай: американизация) отечественной филологии уже свершилась – согласно дистопическому предвидению автора.

Интересно, что и в американском филологическом романе о филологе тема будущего филологической науки тоже получает неутешительное решение. Так, роман Джеймса Хайнса, в гротескно-театрализованном

ключе высмеивающем амбиции, дурные исследовательские проекты и пороки филологического бомонда, лишает серьезную науку каких-либо перспектив. В его изображении она выродилась в лицедейство, игру в наиболее оригинальные толкования и погоню за должностями. Недаром главный герой этого романа, признав свою вину перед литературой и филологией, в финале романа находит искупление в преподавании, порывающем с наукой. Отказавшись «от конспектов», он просто читает в аудитории текст Диккенса, не предпринимая в отношении него никакого комментария. Если в романе С. Кибальчича опасность для филологии связывается с процессами глобализации и унификации, то в романе американского преподавателя – с процессами прагматизации литературной науки, ее встраивания в общество потребления в качестве сферы услуг.

Этот роман в театрализованном изображении филологической жизни ставит еще одну проблему – проблему судьбы самой литературы в культуре консьюмеризма. В романе Хайнса уже не филолог изображен как призрачная фигура, здесь в призрака превращается сама литература. Будучи изгнана из аудиторий филологического факультета, где бал правит не разговор о текстах, а разговор об идеях, она оказывается вытеснена в библиотеку, в финале романа к тому же сгорающую. Но при всем своем маргинальном положении призрак литературы изображен у Хайнса как призрак мстящий и карающий. Он наказывает филолога-преподавателя, своего неверного вассала, ранее наделенного всемогуществом, принуждая его к лицемерию чудовищного театрального представления. Спектакль, устроенный призраком литературы, по его очевидному замыслу, символизирует те ужасы, которым филологи подвергают саму литературу. И это наказание положительно воздействует на героя, заставив его, наконец, забыть о своих карьеристских планах и повернуться лицом к литературе и студенту.

Таким образом, кажется очевидным, что адресатом филологических романов является именно филолог, а вовсе не заинтересованная в пародийном изображении интеллектуала публика. Романы, написанные филологами о филологах, написаны и для филологов – в силу характера тех проблем и вопросов, которым они посвящены.

Анциферова О. Ю. Университетский роман: жизнь и законы жанра // [URL: magazines. russ.ru/ voplit/2008/4/an13.html](http://URL:magazines.russ.ru/voplit/2008/4/an13.html) (дата обращения: 20.12. 1013).

Арру-Виньо Ж.-Ф. Урок непослушания // Иностр. литература. 2002. № 6.

Байетт А. Обладать . М., 2004.

Аствацатуров А. Люди в голом. М., 2011.

Кибальчич С. Поверх Фрикантрии, Или Анджело и Изабелла. СПб., 2008.

Хайнс Дж. Рассказ лектора. М., 2004.